

08.01.11

У Кати день рождения — восемнадцать лет. Дима, который ехал с ней в ресторан, как только они вошли, откуда-то достал букет. *Это так мило, ребята такие милые.* Она сидит нарядная, рядом с ней на полстола три больших букета, и все три — желтые розы. Смешно получилось, что они все принесли цветы одни и те же. Вечер шел хорошо. Яша рассказывал о своей неожиданной работе у районного депутата. Он круто поменялся, стал серьезнее, взрослее, *недушевнее*, как показалось Кате.

После второго тоста Яша погрузился: «Вы накатаете свою ЕГЭ-ху, а потом по шарагам хильнете. И че, не с кем мне будет тусить, короче».

— Не будет больше кипежа никакого, — задумчиво продолжал Яша. — Я че-то ща вспомнил, как Еж на черчении с тетрадкой пытался выйти. — «Куда ты?» — «Мне надо». — «Куда надо?» «В туалет надо». — Яша рассмеялся, Дима хмыкнул. «Фу!» — произнесла Катя, спрятав лицо руками.

Еж смотрел на Яшу. *Работает у какого-то депутата, возит его. Пришел к успеху. Интересно, он и на работе так же изъясняется?*

Яша поднял третий тост: «Ты — клевая, Катя, ты мне как сестра». Присоединился к поздравлениям Дима: «Спасибо, что ты есть: такая добрая, милая, очаровательная, домашняя и теплая, вдохновляющая и замечательная». Катя сегодня,

казалось, вот-вот заплачет. Прикрывая лицо, она все шептала: «Спасибо. Спасибо, ребята... Вы — хорошие!»

Только от Ежа — ни слова. Он смотрел на бокал пива, зубочисткой снимал пену. Катя вышла в туалет, «*помыть ручки*». Через несколько минут она вернулась, и Дима встал из-за стола, вытащил коробочку и раскрыл: внутри лежали сережки, золотые. Катя обрадовалась и обняла его. Еж нахмурился. Все подняли бокалы, и Дима начал говорить тост:

— За таким замечательным другом, как ты, я готов через огонь и медные трубы. Ты — самая лучшая девушка, не знал никогда лучше. Мы столько всего с тобой пережили и еще переживем, уверен! Ты просто замечательный друг, которого я ценю и... что уж скрывать, я люблю тебя, Катя!

— Да уж, действительно, — выпалил Еж, — что скрывать. Вы меня совсем, что ли, за идиота держите?

— Не понял, — сказал Дима, отведя взгляд.

— Все ты понял!..

— Ты за языком следи.

— Да я-то за своим языком слежу. А ты?

— Ты сейчас не прав.

— Чего? Это ты! Ты, выродок, молчал бы!

Дима вскипел мгновенно. Он перекинулся через стол, повалил Ежа на пол и стал бить его. Тарелки с грохотом упали на пол. Яша скинул Диму

с Ежа. Молодые люди поднялись и вроде успокоились, но Еж толкнул Диму, тот отлетел и врезался спиной в шкаф. Дима схватил Ежа за шею и начал душить. Катя закричала, стала бить Диму по рукам, но тот не ослаблял хватку. Яша налетел на Диму со спины, схватил его и оторвал от Ежа. Все посетители, вжавшись в кресла, молча наблюдали. Официанты и менеджеры ушли за барную стойку. Прибежал охранник и помог Яше вывести Диму.

— Ты совсем, что ли, идиот? — кричал Яша.

— Клоун, — фыркнул Дима, — пусть за языком следит.

— Дурак ты, Дима. Стой здесь.

Дима выдохнул, красное лицо размякло, он, кажется, успокоился, только дыхание оставалось сбивчивым, глаза заслезнились:

— Я с вами посижу?

— Нет.

Что? Нет?..

— Почему нет?

— Иди попасись.

То есть ты теперь сам хочешь с ней? Защитник, что ли, главный?.. Взгляд Димы заострился, он внимательно посмотрел на Яшу:

— Ты теперь с ней?

Яша ничего не ответил, ударил с правой Диму по лицу.

— Ой, да пошел ты! — Оттолкнув Яшу, Дима пошел прочь, как есть, без куртки и всех остальных своих вещей.

96–11

Я с Диманом с детского сада тусую. Я ему шнурки завязывал. И с Ежом тогда ж, да, вот. Он в параллельке был. На выгулах тусили вместе. А в школу нас вообще в один класс всех закинули: и меня, и Димана, и Ежа, и Катюху... До девятого мы так... Потом я, короче, в шаргагу ушел. Помню, в девятом с Диманом свалили с черчения. Хотели из школы потеряться, у меня дома в соньку порубать, но дальше урок у класухи — палево.

Короче, мы решили перекантоваться в раздевалке рядом со спортзалом. Спортзал у нас во втором корпусе, через кишку на втором этаже. Там нет никого никогда и всегда дым. Место — лафа. Беспалевное. Попехали туда после звонка. Минут десять протупили. Потом посмолили. И тут мне на мобилу звонок. Еж. Поднимаю. Он что-то бормочет, никак не всеку, а я — слух — это ж голос класухи (она у нас фюрер реальный). Шухер! Мы сразу подорвались. Слетаем с лест-

ницы, через кишку бегом. «Давай-давай! — кричу Диману. — Братан, не тормозуй!» Лётаем. Уже на этаже. Шух — в дверь, а там класуха ярится зло вообще. Громная, черная, мушрует у доски. «Вы где, рейтузы, были, совсем совесть потеряли, — короче, говорит такая и как заорет: — Дневники!» У-у-у, язви б ее... куда положено. Ссыкотно! Мы вытащили дневники. А она стоит, тарашится. И прямо в душу зырит. Забрала дневник, села за стол строчить, как из пулемета — только буквами. «Стоять у доски, оба», — приказала. Ну, стоямба. А училка по черчению сама перетрухала, стоит у доски вместе с нами третья, руки по швам. Кто ж не боится нашу маму, Оксану Рудольфовну? Он ж такая баба, козырная, может и втетерить. Закончился трактат про нас писаться, фюрер командует: «Правую руку подняли оба». Я заржал: «От сердца к солнцу» В общем, че, я правой курю, Рудольфовна сразу запалила меня, а Диману фартануло — он левша. «В следующий раз буду нюхать и левую», — дала раскладку и ушла.

Жаль, Диман с Ежом никогда не корешили. Ну, здесь трабла об Катюху ломится. Вся эта бодяга с ее пацаном из 223-й школы, Ваню который. Этот акробат просек, Катюха встречается с Ежом, и решил Ежа подбакланить. Нам с Диманом пришлось впрягаться. Но все без несчастья кончилось.

А в последнее время, да, Еж дома все шкерился. На хате тусует, книжки читает. Заваливай, говорю, потусим, в соньку зарубим. А он — не. По лету, в одиннадцатом, он поступал. Себе на уме стал. Вроде работать записался. Катюха даже не пронюхала. Совсем Ежаку не слышать: мобилу не берет, в инете не отвечает. Я на домашний звякнул. Подошла мать его. Попросил Ежа. Мать пошла, походу, в его комнату, он там бесится: «Шли всех их». А она: «Он сейчас занят».

09.09.09

После школы Дима пришел домой. Он поставил греться суп на плиту и зашел в дедову комнату. Пепельница, стоявшая на табуретке, всегда полная окурков, теперь перекочевала на тумбу рядом с телевизором. Чистая и уже чуть-чуть пыльная. Дедова кровать, скрипучая до невозможности. Непривычно видеть ее заправленной, чтобы покрывало так ровно лежало. Пахнет табаком, как будто только что курили, — все впитало в себя никотин от «Явы» деда.

Почти всегда дверь в комнату деда была открыта, а когда его не стало, Диме, когда он приходил домой после учебы, становилось не по себе.

Все время чудилось, что в дедовой комнате кто-то есть, закашливается, ох, этот кашель курильщика, который курит с шести лет.

Суп вскипел. Дима налил его в тарелку, вытащил из хлебницы буханку, сделал бутерброды с колбасой. Катя. Она попросила зайти к ней. *Она знает, что хочет, и я знаю, что хочу и что будет. Деда вчера проводили. Лучше, может, дома посидеть?..*

А суп уже остыл. Дима съел бутерброды, а суп, к которому едва притронулся, выпил в туалет. *Плевать, что врет она. Я же тут ни при чем. Она сама хочет, не я так хочу.* Дима пошел в свою комнату, захватив с собой заряжавшийся на базе домашний радиотелефон, и позвонил Яше:

— Здоров. Пойдем погуляем?

— А чего так рано?.. Ладно, приезжай тогда.

Дима накинул джинсовку, надел кеды. Выйдя на улицу, он пошел к автобусной остановке. Только закурил, и вдалеке показался автобус. *Все, как всегда, верное заклинание.* Через двадцать минут Дима стоял у Яшиного подъезда и звонил в домофон:

— Здоров. Выходи.

— Ща.

Через две минуты Яша вышел и с ходу:

— Шпацирка есть?

— Есть, на. — Дима протянул Яше зажигалку.

Говорили о том, чего это Яша школу все прогуливает и чего это Дима туда постоянно ходит, намазано, что ли. Будет ли в этом году перед Новым годом дискач и как там новая француженка.

Яша выглядел старше Димы. В детстве Яше качелями на полном лету заехали в нос. Нос Яшин навсегда превратился в римский, что сделало его похожим на гладиатора, и весь детский сад и школу Яша соответствовал образу: постоянно грубил, дрался, дерзил и ничего не боялся. Но при всей внешней грубости Яша оставался добрым парнем. Доброту эту выдавали глаза, и если ее разглядывал вдруг кто-нибудь, в Яше просыпался воинствующий гладиатор, ненавидящий всех люто. Характеризуя сам себя, Яша постоянно припоминал, как одна девочка сказала ему: «Такое ощущение, что за тобой смерть гонится. Именно, гонится. Идущий на смерть приветствует всех вас!» И откуда только Яша знал эту фразу...

Быстрым шагом Яша и Дима прогуливались мимо ларьков и магазинов. Дима все волновался, не знал, как начать, как сказать, как попросить, поэтому не говорил ничего. На втором заходе вокруг магазинов Яша не выдержал:

— Хорош сиськи мять. Нужно че?

— Нужно. В аптеке.

— Так сгончай.

— Я не могу вот так просто...

— Гондоны, что ли, надо? — рассмеялся Яша.

Дима ничего не ответил. Яша усмехнулся и хлопнул его по плечу:

— Ты чего, резину никогда не брал?

— Никогда. Они были и были.

— Были и были?

— Ну, ты давал.

— Ладно, не ссы, Капустин. Все будет ровно. Стартуй.

— А мы можем зайти туда вдвоем? Ты, типа, недалеко постоишь. Мне так спокойнее будет.

— Два пацана пришли такие «не вместе», один покупает гондоны. А потом — хоп! — оба тью-тью.

— И?

— Ты тупой?

— Нет, просто...

— Короче, хрен с тобой, золотая рыбка. Я схожу.

Яша, звякнув дверью, зашел в аптеку, а Дима остался ждать при входе. Светивший над аптекой фонарь гудел, потрескивая. Мимо торопливо шли люди. *Блин, еще увидит кто, будет совсем нехорошо.* Дима выбросил сигарету, убрал руки в карман. *Возможно, когда-нибудь я умру от сигарет. Буду курить долго, а потом рак. Рак легких или горла. Говорят, в табаке сигарет если попадается много веток мелких, то рак получается быстрее. Врут, наверное. Или нет врут? Где там вообще Яша? Ладно, спокойно... Но все равно стремно курить, надо бросить.*

Яша вернулся и провозгласил:

— Купил тебе ультратонкие, плейжур макс.

— Спасибо.

— За что, за гондоны-то? — спросил Яша торжествующе и громко, так, что проходившие мимо люди стали оборачиваться. — Да не за что, ковбой, пользуйся резинками на здоровье!

— Ну че ты, блин, разорался. Тихо ты.

Яша захохотал и вложил пачку презервативов в руку Димы:

— Вам бы уже стопорнуть с палевом. Не в жилу, брат.

— Знаю.

— Приколись, когда-нибудь она и тебе рога будет тоже так...

— Ой, да завали ты.

Дима убрал презервативы в карман куртки, где лежали сигареты. Вместе с Яшей они дошли до перекрестка, где обычно прощаются, пожали друг другу руки, и Дима направился к дому Кати.

Ваня приставал ко мне с семи лет. Наши семьи дружили. Мы ходили друг к другу в гости постоянно. Я приходила, он иногда меня за волосы дергал, разве что еще щипался-кусался.

В последний раз мы с мамой пришли в гости к его семье в начале этого года. Мы смотрели какой-то мультфильм. Он вдруг полез целоваться, а когда я попыталась вырваться, он схватил меня за горло и пригрозил, что потом зарежет, если я не дамся ему. Он шептал, прижимаясь ко мне сильнее: «Дай волосы понюхать». Я сделала ему больно, ударила его, и он отстал. Но ненадолго, придумал причину — долг, что я должна ему деньги.

17.04.08

Шли втроем: Дима, Яша и Еж. Почти восемь часов вечера. Стемнело, фонари зажглись.

— Слушайте, ребят, я что-то совсем плохо... может, лучше все-таки не пойдём? — спросил Еж.

— Да не ссы в компот, там повар ноги моет. Идем, и все тут, — строго ответил Яша.

Они подходили к школьному двору. У школы на ограде сидели двое: Ваня и еще один. Первый ощерился, сидел коршуном, вминаясь в куртку. Второй — толстый, с тупым безразличным лицом. Увидев троицу, Ваня свистнул. Из-за угла школы высыпалась толпа. Они гоготали, кричали, матерились.

— Я... я не пойду. Я не могу, — пробормотал Еж, остановившись.

— Идем, — отрезал Яша. — На вот, закинься.

Яша вытащил из рюкзака круглую коробочку и протянул ее Ване.

— Что это?

— Просто открой и вдохни.

Дима старался думать о чем-то хорошем, но в голове все об одном крутилось. *Сколько их там вообще? Трое против пятнадцати, наверное. Нас убьют. Ладно, может, просто поговорим, они ведь не совсем отбитые идиоты или отбитые, вот если бы мы один на один, нечестно все. Все. Тормози. Нормально все будет.*

— Может, все-таки свернем, пока не поздно? — прошептал Еж, когда уже было совсем поздно.

Троица встала перед Ваней. Толпа обступила троицу сзади.

— Ну че, как тебе наша прошлая встреча, черт гашеный? — рассмеялся Ваня, глядя Ежу прямо в глаза. — И вас только трое будет?

Еж ничего не ответил.

Дима глядел под ноги и краем глаза наблюдал за трясущимся Ежом и гордо выпрямившимся Яшей.

— Ты так и будешь базарить? — спросил Яша.

— А ты у них старший, че ли?

— Да. Короче.

— Ты что-то больно дерзкий. Не боишься, что мы вас тут просто поломаем? Мне бабки нужны. Его баба торчит три рубля. Она не хочет ничего отдавать, так он за нее впрягся, как я понял, к нему все и предъявы.

— Отойдем?..

— При пацанах дрейфишь?

— А ты?

— Я — нет.

— Ну так пошли. Или зассал?

Ваня молчал, Яша смотрел на него неотрывно. В конце концов Ваня хмыкнул:

— Отойдем.

Ваня поднялся и пошел вместе с Яшей за школу. Когда Яша проходил мимо Димы, тот пытался ему сказать: «Ты чего делаешь? Нас же...» Яша обернулся и подмигнул ему. Через минуту Яша и Ваня скрылись в темноте.

Диму сзади кто-то толкнул, и он резко развернулся, увидел троих парней, они скалились на него. *Сука, вот если бы один на один...* Они выкрикивали: «А ты кто такой, мы не видели тебя здесь никогда, неместный, что ли? Братан, никакой ты не братан! Ха-ха-ха-ха-ха!»

Ежа трясло. К нему подошел какой-то длинный парень.

— Ты знаешь, я против тебя ничего не имел, но когда узнал, что ты про Ирку Макарову сказал, я понял, что ты не пацан.

— А что я сказал? Мы же с ней одноклассники, я ничего про нее не говорил.

— Но ты же ее картошкой назвал?

— Я?

— Да, ты. Что, не было, что ли, хочешь сказать?

Еж молчал. *Ее же все называют Картавой. Никто не говорит про нее, Ира просто, все говорят Ирка Картавая.* Он смотрел на парня. Ему хотелось сказать все, что угодно, лишь бы как можно быстрее уйти. Толпа прижимала Диму и Ежа.

Вокруг темно, шумно и душно.

Толстый, который сидел до этого рядом с Ваней, достал из кармана нож. Ежу очень хотелось домой, Диме очень хотелось домой. Дима чувствовал, что тоже начинает дрожать. Руки, мокрые и холодные, в карманах, кажется, дрожали, и Дима все пытался сжать их крепко. *Блин, что за фигня со мной. Спокойно. Все будет хорошо.*

Блин, наверное, мы сейчас с Ежом выглядим как настоящие ссыкуны. Блин, блин... Справа, за домами, шумела дорога. У Димы зазвенело в левом ухе.

Вдруг на Ежа и Диму навалились отовсюду. Начали бить, душить, рвать. Ежа держали двое за руки, он подпрыгивал высоко, чтобы высвободиться, мыкался туда-сюда. Ему ударили коленом в живот, и он почувствовал, что не может вдохнуть. На Диму полез парень с ножом. Дима зарычал и ударил парня по руке, нож звякнул об асфальт. Потом Дима ударил по лицу, и парень перевалился через ограду, упал. Сзади на Диму кто-то набросился и повалил на землю. Диму били беспощадно: в голову, по рукам, груди, животу, ногам...

Что-то хлопнуло за школой. Сработала сигнализация на одной из припаркованных рядом со школой машин. Толпа замолчала. Из-за угла выбежал Яша, он бежал на толпу и кричал, и крик его был очень похож на боевой клич, громовой, буревой, мощный:

— Ну-ка, пошли на! Всех перестреляю!

Яша выстрелил в воздух. Нападавшие кинулись врассыпную.

Руки, державшие Ежа клещами, на мгновение ослабли, и тогда он рванул во дворы и бежал долго, пока не зажгло грудь настолько, что ему едва удавалось дышать. Он не останавливался, шел, чтобы идти, куда-нибудь, туда, гделюдно, чтобы до него не добрались, ему все мерещилось, что за ним кто-то еще бежит, но уже давно никого не было.

Яша подбежал к Диме:

— Диман, давай, валим! Валим!

У-у-у-с-с-с-уууу-у-с. Что?.. Тяжело. Яша помог Диме встать и взвалил его на плечо. Шли, как казалось Диме, очень быстро. У него голова кружилась, тошнило. Яша усадил его на ближайшую скамейку.

— Где Еж? У-у-у-с-с-с-у-у-у-с. Где Серега? — все спрашивал Дима.

— Я не знаю. Убежал.

Убежал. Д-д-д-д-д-д...

— Слышь... это... че с тобой? — спросил Яша.

— Че?

— Челюсть.

— Тошнит меня.

Дима закрыл глаза, ему очень хотелось спать, но голова болела сильно, так, что слезились глаза. «Нгарн-ни-ги-го», — рядом с левой ногой Димы вертела головой ворона. Клынуть, что ли, хочет? Дима топнул ногой. «Гир-гир!» — улетела.

— Откуда у тебя пистолет? — выдавил из себя Дима.

— Батя подарил.

— Когда?

— Когда умер.

Дима хмыкнул.

— Лох этот Ваня. Я свою бодягу только достал, а он уже, роняя кал, метнулся в поле. Такого стрелка — дай Божа. Короче, вопрос закрыт.

Дима вытянул руку и стал смотреть, как она трясется. Д-д-д-д-д-д...

12.10.11

— Алло, Катя?

— Да, здравствуйте. А кто это?

— Это тетя Марина, мама Сережи. Ты не ешь, где он может быть? Он сегодня домой не пришел.

09.09.09

Тот же лифт с прожженной кнопкой, шумный, заплеванной лифт. Тот же девятый этаж с облупившейся краской. Звонок. Тишина. Кто-то там внизу шумит. *Может, покурить в пролет встать? А вдруг там у нее мама, а вдруг Еж пришел?..* Еще звонок. Короткий, нервный. Катя (в одной майке) открыла дверь и улыбнулась:

— Привет.

В ее взгляде — огонь. Так горят глаза самоубийцы в последние часы жизни: счастливо-печально, спокойно и вместе с тем таинственно-безразлично.

— Привет, — улыбнулся Дима, заходя в Катину квартиру. *И этот запах, вдо-о-ох и вы-ы-ы-ыдо-о-о-ох, такой уже родной и привычный. Сколько угодно дайте запахов — я точно скажу, какой из них — сицилийский мандарин. Никогда бы и не подумал, что есть что-то такое в этом запахе. Да и не было бы, если бы не она... В квартире не горел свет.*

— Я просто спать очень хотела, — предугадывая вопрос Димы, заметила Катя.

— И сейчас? Хочешь?..

— Да. Разувайся и проходи в дальнюю комнату. — Катя развернулась и медленно исчезла в темноте квартиры. Последнее, что увидел Дима, — Катина пятка. *У нее очень красивые ноги, особый живописный подъем стопы.* Дима снял куртку и положил ее на стул рядом со входной дверью. Д-д-д... *что-то холодно или мне кажется? А вдруг вообще ничего не будет? Вдруг я ничего не понял? Не прикасаясь больше к курт-*

ке, Дима вошел в темноту большой комнаты и на ощупь добрался до дальней.

Катя стояла у окна обнаженная, освещаемая сизым светом вечерней улицы. Едва заметно Дима подошел к ней сзади, обнял, а потом взял за руку и развернул к себе. Одну ее руку он положил себе на грудь, а вторую поднес к губам и поцеловал. Дима и Катя упали на кровать и поцеловались.

— У меня есть. В куртке. Принести?

— Иди ко мне, — ответила небрежно Катя.

Ее гибкую спину окутывал тихий свет комнаты. Он смотрел на иссиня-черную полосу, проступавшую на ее медленно изгибающейся спине. Мир остановился. И как бы хорошо, чтоб и время остановилось вместе с миром. Чтобы вся эта суета за окном замерла. Катя положила на Диму ногу, чуть выше бедра Дима нащупал ямку.

— А что это у тебя? — спросил он.

— Ямки. Как на щеках. У кого-то на щеках, а у меня — на ногах.

В соседнем доме в окнах потихоньку выключали свет. Раз — и нет света в окне на третьем этаже. Два — нет в среднем ряду на пятом.

— Как думаешь, кто-нибудь там занимается любовью? Именно любовью, а не тупо трахается? — интересовалась Катя. — Мне кажется, в этих окнах почти никогда нет таких людей.

— А может, они просто не включают свет и их не видно?

— Ха-ха. Очень смешно.

— Зато нам повезло.

— Да, сейчас это любовь. Я так чувствую. Как ты думаешь, но если они там все трахаются, то трахаются интересно? Ну там, оргии или еще что-то?..

— И откуда только у тебя берутся все эти глупости?

— Да ладно, глупости... Мне просто скучно. Ты знаешь, чего хочется? Мне хочется обнимать мир, хочется бежать куда-нибудь на край света, забраться на самую высокую гору и кричать, что люблю мир, весь-весь мир: этот воздух, это солнце, этот ветер...

— И я хочу с тобой.

Она повернулась и посмотрела на Диму серьезно:

— А мы все сидим, ждем чего-то, а чего — непонятно. А я так не могу, мне кажется, что я не живу, а жить я хочу. Жить! Я хочу чувствовать, не дышать только для того, чтобы не задохнуться. Понимаешь? Когда я с тобой, я — одна, со всеми остальными — другая. Я — не та, я — не настоящая, я не дышу. Знаю, что сама — тварь, виновата. Знаю, что все те люди, которые входят в мою жизнь, рано или поздно начинают от меня хотеть одного. Я даю это одно почти сразу, но только для того, чтобы хоть на чуть-чуть задержать их в своей жизни. Такая дура.

— Не выдумывай!

— Может быть, это вас задобрит, может, это даст хоть маленький шанс, что я наконец-то стану счастливой. Знаю, я эгоистка, и из-за того, что делаю, вообще счастья недостойна, но оно нуж-

но мне, нужно, как этот воздух, эти деревья, эта вода. Я просто хочу быть счастливой.

Он посмотрел на нее чуть выше макушки. Катя, как всегда, растерянно, вопросительно посмотрела на него: «Что там, что там?» Дима ничего не ответил, и она, как всегда, положила на макушку руки, чтобы скрыть что-то, что заметил там вдруг Дима. А он рассмеялся.

— Дурак ты, Дима! Я серьезно говорю тут, а ты дурачишься.

— Я очень хочу помочь тебе быть счастливой. Когда ты скажешь Ежу?

— Я не знаю.

— Ну, а мы теперь как?

— Что «мы»?..

Катя заплакала и спрятала лицо под одеяло, Дима обнял ее.

— Сны сняты мне нехорошие, — призналась Катя, выглянув из-под одеяла. — Что-то страшное я чувствую. Не могу объяснить, это сила какая-то необъяснимая. Я ее почувствовала, и она меня напугала. Чернота. Она бурлит, шумит и путает, шумит и пугает. Иногда иду, как в ночном тумане, сама не знаю, что руки мои делают, куда ноги ведут, что впереди, что сзади — ничего не видно, один шум и пустота. Ты что-то такое чувствовал когда-нибудь?

— Кажется, да, — соврал Дима.

14.10.11

— Когда?

— Завтра.

— Быстро...

— Да, очень.

— Офигеть.

— Яш, мне страшно. Я боюсь. Я уже не знаю...

— Успокойся, Катюх, реально.

— Как будто проклятие какое-то!

— У него, походу, был жесткий депрессняк.

— В последний раз он сказал мне знаешь что? «На этом танцполе все слушают и играют разную музыку». Что это значит?

— Я не всеаю и всекать не хочу. Слышь, если ты и дальше будешь загоняться, то сама поедешь, отвечаю. Хорош.